

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 811.581

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-50-58>

Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа

Светлана Ивановна Первунина

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, pervuninas@mail.ru*

Аннотация

Выявление и характеристика способов референциального ранжирования субъектов в пословицах с формами второго лица единственного числа еще не были предметом специального исследования. Цель исследования – охарактеризовать систему средств выражения референциальных статусов субъектов, представленных в таких пословицах. Материалом послужили пословицы из сборника В. И. Даля. Анализ материала осуществлялся с опорой на теорию категориальных ситуаций А. В. Бондарко. В методологическую базу включены работы по теории референции Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева и др., а также исследования Н. А. Дьячковой, О. Е. Фроловой, Л. Б. Кацубы, характеризующие пословицы как особый тип текста. Установлена специфика актуализации/модификации референциальных статусов субъектов в пословицах, определяющаяся различными факторами: особенностями конструкции (с одним семантическим субъектом/с двумя семантическими субъектами); способами выражения субъектов (дискретным/недискретным); взаимодействием с различными распространителями. Выявлено, что субъекты обладают разными референциальными статусами: универсальным и родовым. Универсальный (наивысший) статус лица реализуется в пословицах, построенных по схеме односоставного обобщенно-личного предложения, включающих один семантический субъект. Референциальный статус недискретного субъекта в этом случае определяется с опорой на семантику предиката (действие относится к открытой группе лиц). Понижение ранга субъектов в пределах данного типа возможно при предикате, конкретизирующем круг деятелей, а также при указании на условие осуществления действия. Родовой статус определяется у субъектов, представленных в конструкциях с двумя семантическими субъектами: характеризации (занимающий грамматически подчиненную, а семантически – доминирующую позицию) и действия (грамматически – главного, а семантически – зависимого), служащего для выявления свойств субъекта характеризации. Субъект действия обладает тем же родовым референциальным статусом, что и субъект характеризации вследствие его подчиненности последнему субъекту. Определены семантические типы субъектов, влияющие на их референцию. Установлены способы повышения ранга субъектов (условно референтное употребление) и понижения (отношение к именным группам, некоторым семантическим классам). Учет взаимодействия разных факторов, действующих в пословицах, позволяет представить сложную систему ранжирования субъектов.

Ключевые слова: *референция, русские пословицы, референциальные типы субъектов, референциальное ранжирование субъектов, формы второго лица, носитель предикативного признака*

Для цитирования: Первунина С. И. Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 50–58. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-50-58>

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Ways of Referential Ranking of Subjects in Russian Proverbs with Forms of the Second Person Singular

Svetlana I. Pervunina

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, pervuninas@mail.ru

Abstract

Referential ranking of subjects in proverbs with second-person singular forms has not yet been identified and described in special literature. This study aims to describe the ways of expressing referential statuses of subjects in these types of proverbs. The study uses proverbs from V. I. Dal's collection as source data. The analysis is based on A. V. Bondarko's theory of categorical situations. The methodological framework includes works by N. D. Arutyunova, E. V. Paducheva, T. V. Bulygina, and A. D. Shmeleva that focus on the theory of reference, as well as studies by N. A. Dyachkova, O. E. Frolova, and L. B. Katsyuba that describe proverbs as a unique type of text. The study has revealed that the referential statuses of subjects in proverbs can be actualised/modified based on various factors, such as construction features (one semantic subject vs. two semantic subjects), ways of expressing subjects (discrete vs. non-discrete), interactions with different distributors, and connections with temporal non-localizability. The study has also revealed that subjects have different referential statuses: universal and generic. The highest status (universal) is assigned to a person in proverbs based on a one-member generalised personal sentence with one semantic subject. In this case, the referential status of a non-discrete subject is determined with reference to the semantics of the predicate, where the action relates to an open group of people. The rank of subjects within this type can decrease when the predicate specifies a circle of actors and conditions for the action. Subjects in constructions with two semantic subjects have the generic status: the subject of characterisation (grammatically subordinate but semantically dominant) and the subject of action (grammatically dominant but semantically subordinate), serving to identify the features of the subject of characterisation. The referential (generic) status of the subject of action is the same as that of the subject of characterisation due to its subordination to the latter. The study also identifies semantic types of subjects that influence their reference. Ways of raising the rank of subjects (conditionally referential use) and lowering it (relation to noun groups, certain semantic classes) have been determined. By considering the interaction of different factors in proverbs, a complex ranking system for subjects can be represented.

Keywords: reference, Russian proverbs, referential types of subjects, referential ranking of subjects, second-person forms, carrier of the predicative feature

For citation: Pervunina S. I. Sposoby referentsial'nogo ranzhirovaniya sub'yektiv v russkikh poslovitsakh s formami vtorogo litsa edinstvennogo chisla [Ways of Referential Ranking of Subjects in Russian Proverbs with Forms of the Second Person Singular]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 50–58 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-2-50-58>

Введение

Статья посвящена установлению референциальных статусов субъектов, встречающихся в пословицах с формами второго лица единственного числа, таких как: *Держи обиход по промыслу и добытку; Будешь богат, будешь и рогат; Заглазно го купца бей!*

Выбор темы и актуальность исследования обусловлены недостаточной изученностью механизмов референции в русских пословицах, в том числе и с формами второго лица; исследователи по-разному интерпретируют ранги субъектов в этом типе текста: одни квалифицируют его как обладающий наивысшей степенью обобщения (З. К. Тар-

ланов, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко и др.), другие (О. Е. Фролова, Л. Б. Кацюба) выделяют несколько референциальных статусов, ранжирующих уровень обобщения.

Пословицы являются пространством, где актуализируются разные референциальные статусы субъектов, специфика которых во многом обусловлена такими особенностями этого текста, как обобщенность, иносказательность, лаконичность (И. Е. Аничков, З. К. Тарланов, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, Н. А. Дьячкова, Е. Н. Платонова и др.). Данные черты пословиц коррелируют с определенными аспектами настоящего исследования. Так, обобщение, являясь конституирующим при-

знаком пословиц, тесно связано с некоторыми типами референции (универсальной; родовой; индивидуальная референция в исследуемых текстах не встречается); иносказательность, свойственная пословицам, соотносится с особым условно референтным статусом субъекта; лаконичность способствует компрессии, заключающейся в особой асимметричной структуре пословицы [1, с. 24–28].

Исследование опирается на классификации референциальных статусов субъектов Н. Д. Арутюновой [2], Е. В. Падучевой [3], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [4] и др. Вслед за Е. В. Падучевой универсальный тип референции понимается нами как соотнесение имени с открытым, неограниченным множеством лиц; родовой тип референции предполагает соотнесенность имени с представителем класса, притом не с любым, а как бы с эталонным, типичным [3, с. 95–98].

Существенным для нашего исследования представляется введение особого референциального типа (связанного с иносказательностью), который под разными терминами намечается в работах О. А. Алексеевой (условно определенный тип субъекта) [5], О. Е. Фроловой (референциально свободный актанта) [6, с. 59–65]. В данном исследовании нами используется термин «условно референтный тип субъекта», который, по О. А. Алексеевой, «реализуется при несовпадении референта и денотата» [5, с. 17]. Поскольку данный тип во многих случаях способствует повышению референциального ранга субъекта за счет расширения состава участников, включенных в ситуацию, то в пределах каждой группы мы будем выделять такие случаи.

Важной для данного исследования является проблема референциальной характеристики субъектов, для номинации которых используются термины «семантический субъект» или, по А. В. Бондарко, «носитель предикативного признака» (НПП). Под НПП понимаются «синтаксические единицы, выполняющие функцию предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантический субъект... выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак» [7, с. 54]. Рассматривая понятие НПП, А. В. Бондарко выделяет следующие его типы: НПП₁, который может быть представлен как вербализованным подлежащим, так и нулевым подлежащим; НПП₂, выражаемый формами косвенных падежей. В настоящей работе характеризуются оба типа НПП.

Семантическая характеристика (и референциальная в рамках данного исследования) недискретного субъекта главным образом восстанавливается из семантики предиката (см. об этом А. В. Бондарко [7], С. И. Кокорина [8]). Хотя А. В. Бондарко

дифференцирует дискретное и недискретное выражение НПП, в пословичных текстах различие между ними нивелируется, но такое наблюдение может не распространяться на другие тексты, обладающие индивидуальной спецификой.

НПП₂ широко используются в пословицах, что отвечает принципу лаконичности и, как следствие, компрессии. Это формирует особую структуру пословицы, которую Н. А. Дьячкова объясняет тем, что в простом предложении содержится информация сложного, т. е. наличествуют две пропозиции, одна из которых выражена предикатом, а другая атрибутивным определителем: *От злого человека не уберешься* (Человек S_2 злой P_2 / (нулевой обобщенный субъект $\emptyset$) S_1 не уберешься P_1) → Человек злой, поэтому от него никто не уберется [1, с. 68]. Дальнейший анализ показывает, что референциальная характеристика субъекта может быть эксплицирована и в случае формально невыраженного определителя.

Таким образом, целью исследования является описание системы средств выражения референциальных статусов субъектов, представленных в пословицах с формами второго лица единственного числа.

Материал и методы

Языковым материалом послужили русские пословицы, взятые из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [9]. Проанализировано около 643 единиц.

В центре внимания находятся пословичные тексты, характеризующие человека. В данной статье мы ограничимся анализом текстов, построенных по модели односоставного предложения, где главный член выражен личной глагольной формой второго лица, у которой обычно не выделяются уровни референциального ранжирования; анализируются как императив, так и индикатив, которые обладают некоторыми различиями в прагматическом аспекте (индикатив в отличие от императива находится в «фокусе эмпатии» – см., например, Т. В. Булыгину и А. Д. Шмелева [4, с. 50]), однако по референциальным функциям они идентичны.

Не рассматриваются конструкции с формами множественного числа (они встречаются достаточно редко): это обусловлено тем, что существует мнение, согласно которому в обобщенно-личном значении разница между данными формами нивелируется «...и с грамматической, и с социально-этикетной точки зрения» [10, с. 118], и они находятся «вне категории числа» [4, с. 55], следовательно, обладают схожими референциальными возможностями при выражении обобщенного лица.

За пределами исследования остаются двусоставные предложения, поскольку субъект в таких

конструкциях, несмотря на его дискретное выражение личным местоимением «ты», в пословицах обладает идентичным типом референции, что и недискретный субъект в односоставных конструкциях. Данное утверждение поддерживается в работе Т. В. Булыгиной и А. В. Шмелева, которые фиксируют у местоимения «ты» «два комбинаторных варианта – нулевой и ненулевой», являющиеся равноправными при передаче обобщенно-личной семантики [4, с. 44].

В ходе работы применялся функциональный анализ текста с опорой на теорию категориальных ситуаций, разработанных А. В. Бондарко [11].

Определение референциального статуса субъектов в пословицах обеспечивается рядом механизмов, которые не только способствуют выражению этого статуса, но и являются регуляторами ранжирования универсальной референции; характеристика референциального статуса субъекта в пословицах с неэксплицированным субъектом может осуществляться с учетом семантического типа предиката, характеристики объекта, некоторых других распространителей, особенностей синтаксической конструкции и др.

Результаты и обсуждение

В результате анализа были выявлены пословицы, содержащие: 1) один семантический субъект (один и тот же семантический субъект)¹ – *Стоя без шапки, много не наговоришь; Первому кону не радуйся!* и 2) два семантических субъекта (разные семантические субъекты) – *Безумного волей не научишь; Не пугай сокола вороной!*

1. Референциальная характеристика субъектов в пословицах, содержащих один семантический субъект (НПП.). К первому типу относятся пословичные высказывания с одним семантическим субъектом, например: *Прошлого не воротишь; Не споруйся ни с тюрьмой, ни с сумой.* В таких конструкциях субъект выражен недискретно, т. е. глагольной формой второго лица.

Установлено, что субъекты в данном случае передают наивысшую степень обобщения (универсальная референция, по Е. В. Падучевой [3]), однако наблюдается некоторая неоднородность референциальных характеристик, связанная с внутренним ранжированием статусов субъектов (в пределах универсального типа референции).

Для характеристики недискретно выраженных субъектов, как отмечалось ранее, важно учитывать семантический тип предиката, а также его взаимодействие с объектом и другими распространителями.

Необходимо отметить, что поскольку в этих высказываниях реализуется наивысшая степень обобщения субъектов, то даже условно референтный тип субъектов, который во всех других случаях повышает ранг их обобщения, здесь не выполняет такую функцию.

При недискретном выражении субъекта основную роль в его квалификации играет предикат. Как справедливо отмечают А. В. Бондарко [7], С. И. Корина [8] и др., невозможно идентифицировать тип семантического субъекта вне его связи с предикатом. Это утверждение распространяется также на определение референциального статуса субъекта, который полностью зависит от того, с каким типом предиката он взаимодействует.

Высокий уровень обобщения фиксируется в пословицах, где в качестве предикатов выступают глаголы с широкой семантикой (*делай, будь* и пр.), а также глаголы движения (*беги, езжай*), восприятия (*смотри, слушай*), интеллектуальной деятельности (*читай, думай*), удовлетворения жизненных потребностей (*ешь, спи*) и пр., называющие действия, которые может выполнять любой субъект: *Сперва подумай, а там и нам скажи; Ешь досыта, а делай до поту; Стой заодно, а беги врознь.*

Некоторое понижение ранга обобщения субъектов фиксируется в пословицах, где семантика предиката определяет действие/поведение субъекта. В этих случаях поведение обобщенного лица распространяется не на всех людей, а на тех, которые обладают определенными качествами: *Перекрестись, да выпись* – поведение людей, которые ведут неправильный образ жизни; *Гневайся, да не согрейши!* – поведение людей гневливых, которые в таком состоянии могут совершать необдуманные поступки.

Как уже отмечалось, предикат с обобщенной семантикой не функционирует в пословицах в изолированном виде, как правило, он взаимодействует с другими компонентами пословицы, которые либо поддерживают его высокую степень обобщения, либо выступают ограничителями референции.

В роли таких распространителей может выступать объект или другие распространители (чаще всего наречия).

Экспликация референциального статуса субъекта может осуществляться посредством семантики объекта, который также выступает носителем референциальной информации при неэксплицированном субъекте. В данном случае, как было сказано выше, учитывается и семантика предиката.

Высокая степень обобщения актуализируется в пословицах, где в качестве объекта при предикате

¹ В анализ включаются конструкции с двумя предикатами, относящимися к одному и тому же субъекту, не рассматривается дискуссия об их квалификации как сложносочиненного предложения или однородных членов предложения.

находится кванторное местоимение (всякого, никого): Всякого слушай, никому не поддавайся; Всякого нищего не перещеголяешь, являющееся общеязыковым средством передачи универсальной референции. Некоторые референциальные особенности прослеживаются при взаимодействии объекта, выраженного существительным с отвлеченным значением (добро, зло, худо, правда, дело и пр.), с разными типами предиката. Так, например, объект при предикате, называющем действия, которые может выполнять любой субъект (иди, делай и пр.), дублирует тип его референции: Про доброе дело говори смело; Дружбу помни, а зlobу забывай; Зла за зло не воздавай!; при предикате с более конкретной семантикой повышает его статус: Добро наживай, а худо избывай.

Функционирование объектов с конкретной семантикой сужает референциальный охват субъектов (вне зависимости от типа предиката), поскольку характеризует поведение субъекта в определенной сфере жизни (финансы, семья, работа и пр.): Береги денежку на черный день!; Учи жену без детей, а детей без людей! – в данных примерах объекты действия конкретизируют область, в рамках которой осуществляется действие субъекта.

Выявлена специфика взаимодействия объекта и предиката в конструкциях, включающих глагольные формы индикатива с отрицательной частицей «не»: С притчей не поспоришь; Яичка не повесишь на спичку; От своего хвоста не уйдешь. В референциальном плане в таких пословицах представлена ситуация невозможности совершения действия любым (каждым, всяким) субъектом.

Высокий уровень референции субъектов, как было отмечено, поддерживают распространители, которые могут быть представлены наречиями (в том числе формой компаратива): Живи по-старому, а говори по-новому; Слушай больше, а говори меньше; Ешь больше, а говори меньше; темпоративами: Раньше вставай, да сам наживай!; локативами: Дома спасайся, а в церковь ходи!; Иди вперед, а оглядывайся назад. В данных примерах при предикате находится распространитель, функция которого заключается в уточнении параметров производимого субъектом действия (по времени – раньше/позже; месту – дома/вперед; степени – больше/меньше).

Во всех представленных пословицах были выявлены и случаи условно референтной характеристики, которые, как отмечалось ранее, не повышают референциальный статус субъектов: Ветра ведрами не смеряешь; У моря сиди да погоды жди; Лежи на боку да гляди за реку. Это объясняется тем, что действие предиката распространяется на любое лицо, поэтому возможность соотнесения данной пословицы с разными ситуациями не влия-

ет на повышение референциального статуса субъектов.

Установлено, что некоторое понижение ранга субъектов наблюдается в высказываниях со скрытым условием, поскольку при сохранении референциального статуса субъекта, определяемого семантическим типом предиката, количество лиц, которым свойственно называемое действие, сокращается вследствие того, что не все попадают в подобную ситуацию: Не сняв коры (условие реализации ситуации), дерева не узнаешь → Тот, кто не снимет коры (не начнет действие), деревья не узнает (не получит результат).

Таким образом, в рассматриваемых пословицах референциальный статус субъектов определяется нами как самый высокий с незначительным варьированием степени обобщения.

2. Пословицы, содержащие два семантических субъекта (НПП₁ и НПП₂). Ко второму типу относятся пословицы, в которых взаимодействуют два семантических субъекта: субъект действия (НПП₁) и субъект характеристики (НПП₂): У каменного попа и железной просвиры не выпрошишь; Суженого и на коне не пообедаешь.

Пословичные высказывания рассматриваемого типа имеют структуру простого предложения, в которую включаются минимум две пропозиции с разными семантическими субъектами, т. е. формально простое предложение реализует семантику сложного предложения. Так, пословица Лукавой бабы и в ступе не истолчешь представляет собой простое предложение, в котором сосуществуют две пропозиции: первая пропозиция (недискретный субъект) не истолчешь – представляет собой действие имплицированного обобщенного субъекта; вторая пропозиция – баба лукавая представляет субъекта характеристики (бабу), а атрибутивный определитель лукавая выступает в роли включенного предиката, называя качество этой бабы.

Было установлено, что субъект действия, несмотря на свое грамматическое главенство, семантически выполняет второстепенную роль, раскрывая своими действиями свойства субъекта характеристики. Например: На портного прикладу не напасешься – в данном случае обобщенным субъектом действия выступает тот, кто взаимодействует с «портным» (Ø не напасешься), однако характеризуется здесь не он, а портной. Следовательно, целью этой пословицы является характеристика портного (НПП₂), а для выявления его свойств используется действие другого, недискретно выраженного обобщенного лица не напасешься (НПП₁).

Поскольку субъект действия является прагматически подчиненным, а субъект характеристики – главенствующим, то мы начнем рассмотрение пословиц именно с последнего типа субъекта.

В пословичных текстах субъект характеристики представлен дискретно: занимает позицию дополнения, выраженного именем (именной группой) в косвенном падеже (*судью, заглазного купца* и пр.). Правомерность выражения семантического субъекта формой косвенного падежа была обоснована в ряде работ (см., например, А. В. Бондарко [7], С. И. Кокорина [8] и др.).

Выражение семантики характеристики рассматриваемого субъекта зависит от способа представления НПП₂: атрибутивное сочетание (*бесстыжий гость, добрая кума* и пр.), субстантив (*глупый, добрый* и пр.), нарицательное существительное (*друг, судья* и пр.).

В конструкциях, где субъект выражен атрибутивным сочетанием, т. е. именной группой (*злая жена, заглазный купец* и пр.), предикатом характеристики выступает атрибутивный определитель (выполняет функцию включенной пропозиции), передающий свойство/качество характеризуемого субъекта (*лукавый, злой, умный* и пр.), например: *С бранчивой кумой не напраощаешься* → *Кума бранчивая* (и поэтому с ней не напраощаешься).

Если субъект представлен только именем (без определителя), в том числе и субстантивом (*глупый, лихой, скупой* и пр.), предикат характеристики имплицирован, но имеет разные варианты восстановления.

Так, в одном случае пропозиция характеристики интегрирована в номинацию субъекта (в лексическом значении субъектных номинаций содержатся семы, репрезентирующие их качества) и актуализируется в результате взаимодействия с основной пропозицией, представляющей действие обобщенного субъекта: *От лихого* (человека) *не услышишь доброго слова*; *У скупого* (человека) *и в крещение льду не выпросишь* – в данных примерах непосредственный субъект (человек) назван субстантивом, в номинацию которого включена сема, идентифицирующая качество лица (человек добрый, злой, умный и пр.).

В других случаях предикат характеристики имеет более глубокую импликацию и выводится из всего высказывания путем инференции (подробнее об этом см. И. П. Матханова [12], О. Б. Абакумова [13]). Например, в пословицах: *Бабу не переговоришь* в субъектную номинацию *баба* не заложена качественная характеристика, однако она может быть восстановлена с помощью взаимодействия субъекта с основным предикатом: в лексическое значение глагола *не переговорить* включена характеристика болтливого человека, что является скрытым предикатом, ср.: *Бабу не переговоришь* → *Баба* (болтливая), и поэтому ее не переговоришь.

Анализ материала показал, что существует некоторое различие в статусе субъектов, которое за-

висит от прямого или переносного типа их номинации.

Референциальный статус субъектов, выраженных лексемами с прямой номинацией

При прямой номинации родовой статус выявляется у следующих групп субъектов (НПП₂): 1) называющих представителя класса лиц; 2) называющих представителя части класса лиц.

Средствами выражения представителя класса выступают такие имена нарицательные (по А. Д. Шмелеву [14]), как: а) имена качественные, репрезентированные семантическими группами существительных по гендерному признаку: *За бабой покидай последнее слово*; *Бабе хоть кол на голове теши*; по личностным качествам: *У скупого не вымолотишь*; *Безумного волей не научишь*; б) функциональные имена, включающие номинации по роду деятельности: *Порожними руками с судьей не сговоришь*; *У приказного за рубль правды не купишь*; в) имена реляционные, включающие термины родства (*мать, муж* и пр.) или конверсивы (*гость, хозяин*), выявлены только в составе именной группы (см. ниже).

Понижение ранга обобщения субъектов фиксируется в пословицах, где субъектом выступает представитель части класса (в атрибутивном сочетании – *злая баба, бесстыжий гость* и пр.). В этом случае ограничение референции осуществляется посредством взаимодействия атрибутивного определителя и существительного, называющего представителя определенного класса. Так, в пословицах: *Бесстыжего гостя из избы пивом не выгонишь*; *От злой жены не уйдешь* – сужение референциального статуса субъекта осуществляется в рамках реляционного класса, заданного номинациями *гость* и *жена*, а определитель, конкретизирующий качество субъекта (*бесстыжий, злая* и пр.), выступает ограничителем референции, поскольку из всего реляционного класса субъектов выбираются те, кто обладает именно этим качеством.

Таким образом, атрибутивное сочетание в пословицах выполняет две функции: с одной стороны, ограничивает класс субъектов, а с другой – выступает включенным предикатом.

Референциальный статус субъектов, выраженных лексемами с переносной номинацией

При переносной номинации статус субъектов можно считать условно референтным, он выражается в анализируемых пословицах антропонимами (*слепой, горбатый* и пр.) и зоонимами (*лиса, змея* и пр.). Более широкий спектр способов выражения переносной номинации субъектов представлен в нашей работе [15].

В отличие от пословиц с одним семантическим субъектом в рассматриваемой группе фиксируется повышение ранга субъектов в пределах родового статуса за счет их условно референтной принадлежности.

Обычно при переносном употреблении антропонимов характеристика по внешним данным распространяется и на внутренние качества людей: *На слепого очков не подберешь; Кривого кривым не исправишь*, т. е. происходит модификация их статуса, связанного с таким механизмом, как референциальный транзит (подробнее см. [15]). В таких пословицах референциальный охват субъектов характеристики *кривой*, *слепой* расширяется за счет их метафорического употребления: через внешние данные характеризуются личные качества людей: *слепой* – человек, намеренно закрывающий глаза на какие-то факты; *кривой* – изворотливый, лживый.

Употребление зоонимов (*волк*, *змея* и пр.) также осуществляет повышение уровня обобщения субъектов характеристики. Так, например, в пословицах: *Змею выше глаз не поднимай; Не пугай сокола вороной!* субъекты *змея* и *лиса* отсылают к характеристике качеств человека: *змея* ассоциируется с коварством и непредсказуемостью, а *сокол* выражает силу, превосходство над другими. Поскольку в пословицах с таким типом субъектов осуществляется характеристика человека, то, опираясь на классификацию А. Д. Шмелева [14, с. 204–232], их можно отнести в референциальный класс качественных имен.

Что касается референциального статуса субъекта действия, то в отличие от пословиц с одним семантическим субъектом, где субъект действия является основным, пословицы с двумя семантическими субъектами, как уже было отмечено нами ранее, демонстрируют более сложную ситуацию: субъект действия в них является грамматически ведущим, но семантически подчиненным, следовательно, он дублирует родовой референциальный статус субъекта характеристики. Ср.: *Немилостивому мил не будешь; За бабой покидай последнее слово* – в данных примерах субъектами действия выступает не любой человек, а некоторая группа лиц, взаимодействующая с субъектами характеристики – немилостивым человеком и бабой.

Заключение

В пословицах с формами второго лица единственного числа была выявлена сложная система взаимодействующих языковых механизмов, участвующих в экспликации референциальных статусов субъектов.

Установлено, что на референциальную характеристику субъектов могут влиять особенности конструкции. Компрессия, свойственная пословицам, делает возможным в структурно простом предложении передавать семантику сложного, что обуславливает наличие пословиц с разным количеством субъектов: 1) с одним семантическим субъектом (недискретно выраженным субъектом действия); 2) с двумя семантическими субъектами (один из которых – субъект действия, а второй является субъектом характеристики).

Референциальные статусы субъектов в этих случаях различаются, различаются и способы их определения.

Универсальный статус субъекта представлен в пословицах первого типа, построенных по схеме обобщенно-личного предложения. В связи с недискретным способом выражения лица основную роль в определении его статуса выполняет предикат, способный обозначать действия любого лица, и распространители, подчеркивающие высокий уровень обобщения. В рамках указанного референциального статуса отмечаются случаи его понижения, связанные с семантической характеристикой предиката.

В пословицах второго типа родовой статус субъекта характеристики выражен в его номинации, представленной атрибутивным сочетанием, субстантивом или нарицательным существительным. Ранжирование степени обобщения субъектов в данном случае связано со способом их выражения: ранг родового обобщения сохраняется в пословицах, где субъект представлен именами, называющими класс; понижается, если он представлен атрибутивным сочетанием, называющим часть класса. Субъект действия в таких высказываниях дублирует родовой статус субъекта характеристики вследствие его зависимой позиции от последнего субъекта.

В пословицах как с универсальным, так и с родовым статусом субъектов встречаются и условно референтные случаи, которые в пределах разных типов демонстрируют неодинаковое поведение. В первом типе они не меняют статус универсальной референции субъектов; во втором – варьируют, повышая ранг родового статуса субъектов.

Таким образом, соглашаясь с тем, что субъект в пословицах принято квалифицировать как обобщенный, тем не менее важно отметить, что проведенный анализ углубляет это представление, поскольку в результате действия вышеперечисленных механизмов степень обобщения субъекта может ранжироваться.

Список источников

1. Дьячкова Н. А. Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 259 с.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 41–62.
5. Алексеева О. М. Особенности употребления имен в эзоповом языке басни (референциальный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 16–21.
6. Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
7. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
8. Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1979. 77 с.
9. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 433 с.; Т. 2. 449 с.
10. Золотова Г. А., Онипенко Н. К. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. ф-т МГУ, 1998. С. 524.
11. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
12. Матханова И. П. Референция, инференция и описание семантики высказывания // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 136–143.
13. Абакумова О. Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. 2011. № 3. С. 5–14.
14. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 483 с.
15. Первунина С. И. Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 2.

References

1. D'yachkova N. A. *Polipropozitivnyye struktury v sfere prostogo predlozheniya* [Polypropositional Structures in Simple Sentences]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2001. 259 p. (in Russian).
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
3. Paducheva E. V. *Vyskazyvaniye i yego sootnesyonnost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nyye aspekty semantiki mestoimeniy* [Expression and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics]. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p. (in Russian).
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Referentsial'nyye, kommunikativnyye i pragmaticheskiye aspekty neopredelyonnolichnosti i obobshchennolichnosti [Referential, Communicative and Pragmatic Aspects of Indefinite Personality and Generalised Personality]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of Functional Grammar. Personality. Voice]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1991. Pp. 41–62 (in Russian).
5. Alekseeva O. M. Osobennosti upotrebleniya imyon v ezopovom yazyke basni (referentsial'nyy analiz) [Peculiarities of the Use of Names in the Aesopian Language of the Fable (Referential Analysis)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of Moscow Regional University. Series: Russian philology*, 2018, no. 5, pp. 16–21 (in Russian).
6. Frolova O. E. *Mir, stoyashchiy za tekstom: referentsial'nyye mekhanizmy poslovitsy, anekdota, volshebnoy skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo khudozhestvennogo teksta* [The World Behind the Text: Referential Mechanisms of a Proverb, Joke, Fairy Tale, and Author Narrative Literary Text]. Moscow, LKI Publ., 2007. 317 p. (in Russian).
7. Bondarko A. V. Sub'yektno-predikatno-ob'yektnyye situatsii [Subject-predicate-object situations]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub'yektnost'. Ob'yektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [Theory of Functional Grammar. Subjectivity. Objectivity. Communicative Perspective of an Utterance. Certainty. Uncertainty]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. Pp. 29–71 (in Russian).
8. Kokorina S. I. *O semanticheskoy sub'yekte i osobennostyakh yego vyrazheniya v russkom yazyke* [On Semantic Subject and Peculiarities of Its Expression in Russian]. Moscow, MSU Publ., 1979. 77 p. (in Russian).
9. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: sbornik v 2 tomakh* [Proverbs of the Russian People: collection in 2 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Vol. 1. 433 p. Vol. 2. 449 p. (in Russian).
10. Zolotova G. A., Onipenko N. K. et al. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Philological faculty MSU Publ., 1998. 524 p. (in Russian).
11. Bondarko A. V. *Kategorial'nyye situatsii: K teorii funktsional'noy grammatiki* [Categorisation in the Grammar System]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011. 488 p. (in Russian).

12. Matkhanova I. P. Referentsiya, inferentsiya i opisaniye semantiki vyskazyvaniya [Reference, Inference and Description of the Semantics of an Utterance]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 3, pp. 136–143 (in Russian).
13. Abakumova O. B. Problemy referentsii i inferentsii poslovits i referentsial'no-rol'evaya grammatika [Problems of Referential and Inferential Proverbs and Referential-Role Grammar]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, no. 3, pp. 5–14 (in Russian).
14. Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian Language and Extra-Linguistic Reality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 483 p. (in Russian).
15. Pervunina S. I. Osobennosti referentsii sub"yektov v russkikh poslovitsakh s formami tret'yego litsa [Peculiarities of Subject Reference in Russian Proverbs with Third Person Forms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2024, no. 2 (in Russian).

Информация об авторе

Первунина С. И., аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

E-mail: pervuninas@mail.ru

Information about the author

Pervunina S. I., postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Viluyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

E-mail: pervuninas@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 29.02.2024; accepted for publication 24.05.2024